

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2026-14-1.53-72>
EDN: HOIUTO

УДК 930.2+904

**«РАССКАЗ О ГОРОДЕ ФЕОДОРО» КАК ИСТОЧНИК
ПО СИТУАЦИИ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ В КОНЦЕ XIV В.****А.Г. Герцен**

*Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
gertsenag@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования – анализ византийского письменного источника конца XIV в. «Рассказ о городе Феодоро». Автор, иеромонах Матфей, совершил путешествие по Юго-Западному Крыму от Ялты к городу Феодоро – столице одноимённого княжества, располагавшейся на плато горы Мангуп. Несмотря на специфический жанр повествования (монодия), в нем отражены весьма точные наблюдения, касающиеся как общего положения города, так и отдельных его объектов. Можно восстановить основные этапы маршрута Матфея от Ялты через хребет Яйла к Ахтиарской-Северной бухте, затем к Мангупу-Феодоро и далее по территории города. В поле зрения автора попали подъемная дорога, главные городские ворота с церковью над ними, источники воды, орошаемый ими сады в ущелье Табана-дере, цитадель на мысе Тешкли-бурун, культовые и дворцовые постройки и пещерные комплексы. Подробно описано опустошение города, которое Матфей связывает с вторжением «агарян», изложены обстоятельства продолжительной осады и ее тяжёлые условия, пережитые населением. Материалы археологических исследований и натурные наблюдения подтверждают точность описаний автором объектов городища, последствий военных действий, происходивших в данной местности незадолго до посещения ее автором. Результатом исследования является интерпретация описанной ситуации как последствия конфликта Тамерлана и Токтамыша. Установлено, что рассматриваемый источник является единственным письменным свидетельством, непосредственно отражающим последствия данного противостояния на территории Крымского улуса. «Рассказ» дает важные сведения об обстановке в Крыму в последнем пятилетии XIV в.

Ключевые слова: Золотая Орда, Тамерлан, Токтамыш, Идегей, Крым, Мангуп-Феодоро

Для цитирования: Герцен А.Г. «Рассказ о городе Феодоро» как источник по ситуации в Юго-Западном Крыму в конце XIV в. // Золотоордынское обозрение. 2026. Т. 14, № 1. С. 53–72. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2026-14-1.53-72> EDN: HOIUTO

Финансирование: Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2025-0001 по теме «Этнические трансформации в Крыму и Таврических степях в Средние века и Новое время».

© Герцен А.Г., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

“THE STORY OF THE THEODORO CITY” AS A SOURCE
ON THE SITUATION IN THE SOUTHWESTERN CRIMEA
IN THE LATE 14th CENTURY

A.G. Gertsen

V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation
gertsenag@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to analyze the Byzantine written source of the late 14th century “The story of the Theodoro city”. The author, Hieromonk Matthew, traveled through the Southwestern Crimea from Yalta to the Theodoro city, the capital of the principality of the same name, located on the plateau of Mount Mangup. Despite the specific genre of the narrative (monody), it reflects very accurate observations concerning both the general location of the city and its individual objects. It is possible to reconstruct the main stages of Matthew’s route from Yalta through the Yayla ridge to Akhtiarskaya-Severnaya Bay, then to Mangup-Theodoro and further through the city. The author’s field of view includes the lifting road, the main city gates with a church above them, water sources, gardens irrigated by them in the Tabana-dere gorge, the citadel at Cape Teshkli-burun, religious and palace buildings and cave complexes. The devastation of the city, which Matthew associates with the invasion of the “Hagarites”, is described in detail, the circumstances of the prolonged siege and its difficult conditions experienced by the population are described. Archaeological research materials and field observations confirm the accuracy of the author’s descriptions of the sites of the settlement, the consequences of military operations that took place in the area shortly before the author visited it, and the result of the study is the interpretation of the described situation as the consequences of the conflict between Tamerlane and Toktamys. It has been established that the source in question is the only written evidence directly reflecting the consequences of this confrontation on the territory of the Crimean ulus. The Story provides important information about the situation in Crimea in the last five years of the 14th century.

Keywords: Golden Horde, Tamerlane, Tokhtamysh, Idigey, Crimea, Mangup-Theodoro

For citation: Gertsen A.G. “The Story of the Theodoro city” as a source on the situation in the Southwestern Crimea in the late 14th century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2026, vol. 14, no. 1, pp. 53–72. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2026-14-1.53-72> (In Russian)

Financial Support: The work was carried out within the framework of the project on the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. FZEG-2025-0001 on the topic "Ethnic transformations in Crimea and the Tauride steppes in the Middle Ages and Modern Times."

Публикация «Рассказа о городе Феодоро» впервые была осуществлена Сильвио Меркати в 1927 г. [23, s. 19–30] по рукописи из Ватиканского кодекса, датированного XV в. после 1420 г. [25, p. 454]. Первоначально место действия поэмы связывалось им с Кафой-Феодосией, однако уже в том же году исследователь пришёл к выводу о необходимости соотнесения описываемых событий с Феодоро-Мангупом [24, s. 392–396]. Данная точка зрения в дальнейшем получила развитие в работах ряда византинистов.

А.А. Васильев, рассматривая памятник в рамках исследования истории крымских готов, ограничился изложением содержания источника и приведением отдельных фрагментов в английском переводе, при этом однозначно локализовав сюжет «Рассказа» на Мангупском плато [22, р. 188–190]. Затем, в течение длительного времени, текст не привлекал пристального внимания специалистов, пока Х.-Ф. Байер не обратился к нему для анализа церковно-политических связей Крыма конца XIV в. Исследователь также предпринял попытку установить авторство источника, отождествив Матфея с иеромонахом из монастыря Кирицу в Константинополе, направленным патриархом Антонием IV в Хазарию¹ в 1395 г. [1, с. 74–75].

В новейшей историографии особое значение имеют работы Г. Принцига, в которых был осуществлён детальный анализ, как текста поэмы, так и истории его интерпретаций [25, р. 451–467]. В настоящем исследовании основное внимание уделяется оценке достоверности сведений «Рассказа» в контексте событий, связанных с противостоянием Токтамышша и Тимура. Несмотря на достаточно подробную разработку данной темы применительно к материковым территориям Золотой Орды [13, с. 698–703], ситуация в Крымском улусе освещена крайне фрагментарно. В этом отношении текст Матфея представляет собой уникальное свидетельство, позволяющее представить последствия этих военных действий на полуострове.

Сюжетная канва поэмы тесно связана с путешествием Матфея по территории Хазарии и ограничена описанием конкретного маршрута, пройденного автором и его впечатлений от увиденных им последствий военных действий в городе Феодоро. Путь из Ялты в юго-западную часть Крымского полуострова передан с высокой степенью реалистичности (Рис.1). Матфей пересекает возвышенную область, которую можно уверенно отождествить с Главной грядой Крымских гор, известной в источниках под названием Яйла. Южный склон этого горного массива образует Ялтинский амфитеатр, откуда начинался подъём от места прибытия вглубь полуострова. Наиболее вероятно на пути следования путешественника был перевал Шайтан-Мердвень (Чёртова лестница), который с античного времени служил важнейшей коммуникацией между Южным берегом Крыма и районом Херсонеса/Херсона. Использование данного маршрута подтверждается как историческими свидетельствами, так и более поздними описаниями путешественников Нового времени, например, А.С. Пушкина в 1820 г. Преодолев горный хребет, Матфей оказывается в области, отличающейся плодородием и богатством природных ресурсов, где упоминаются зерновые культуры, сады, домашние и дикие животные.

Примечательно, что автор подчёркивает изобилие рыбы именно в прибрежных гаванях, не упоминая о реках или озёрах (ст. 1–10)². Это позволяет сделать вывод о выходе путешественника к морскому побережью, изрезанному бухтами. Описываемый природный ландшафт – сочетание гор, долин и удобных морских стоянок – в наибольшей степени соответствует району Инкерманской долины в Юго-Западном Крыму. Данная местность издревле привлекала путешественников и вызывала восхищение своими климатическими и

¹ Хазарией с конца XIII в. называли полуостров генуэзцы, этой традиции следует и Матфей.

² Цитаты из текста «Рассказа о городе Феодоро» и нумерация строк (ст.) приводятся по Х.-Ф. Байеру [2, с. 286–309].

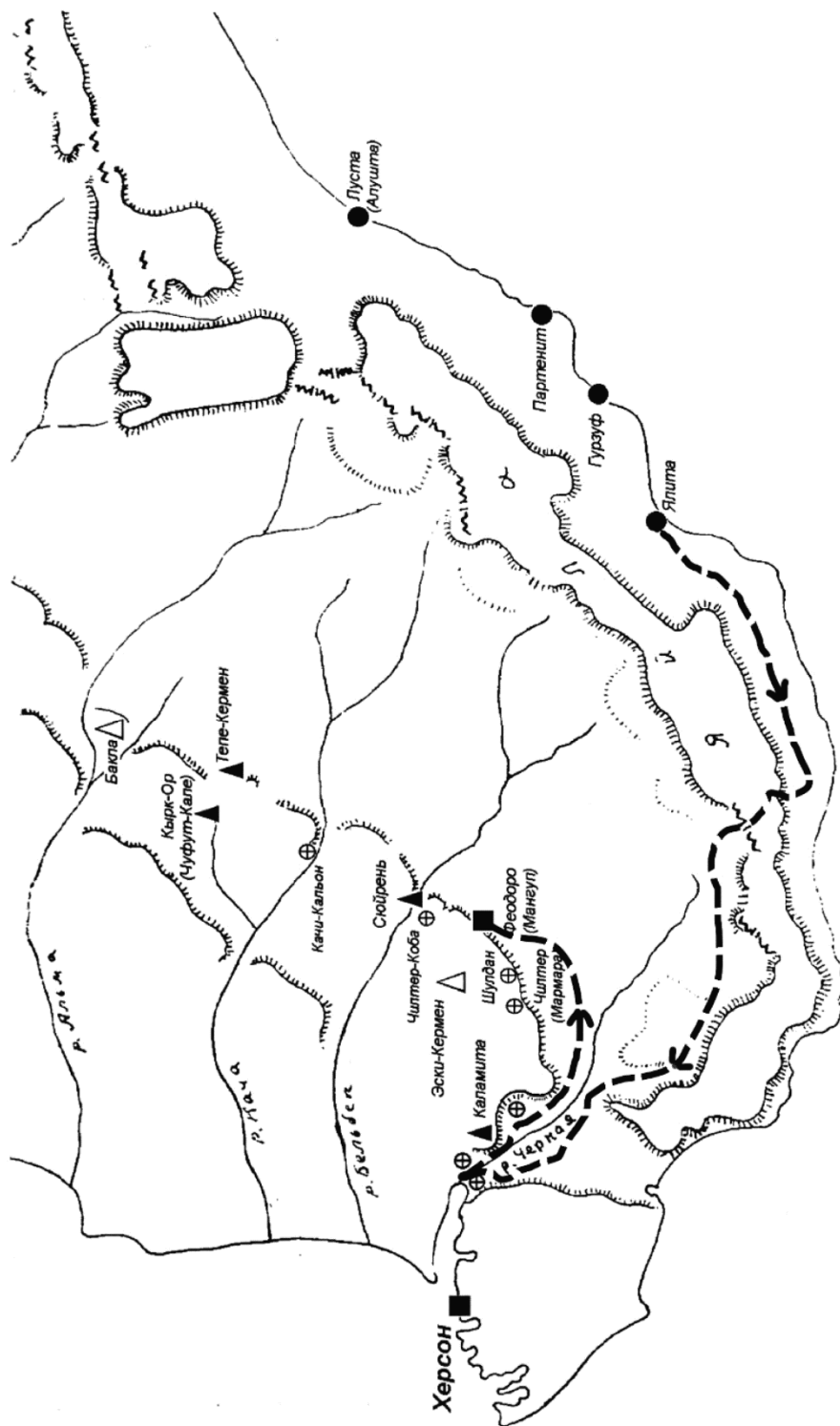
природными условиями. Вот описание Эвлии Челеби, побывавшего здесь в 1666 г.: «этот большой залив по окружности составляет 3 мили. Пролив, находящийся между скал, [впадает] в восемь заливов, каждый из которых способен вместить по тысяче судов, каждый залив – глубокий, как колодец. Здешние вода и воздух довольно приятны. Достойны похвалы тысячи разнообразных рыб. Эти заливы подобны заливам Искендерии в Египте. Но ни в одной стране нет вокруг таких заливов горных [пастбищ заполненных] косулями, ланями и дикими баранами. В зимние дни только творец знает счет водяным птицам, как гусь, утка, лебедь, цапля, баклан, красная утка.» [20, с. 74–75].

Из этого района Матфей направляется к Феодоро, причём повествование ясно указывает, что город достигается именно с описанной ранее территории. Уже при первом взгляде на Мангупское плато автор передаёт впечатление о его обособленности и доминирующем положении в окружающем ландшафте. Глубокие долины отделяют плато от соседних массивов, а отвесные скальные обрывы формируют естественный оборонительный контур, образно охарактеризованный Матфеем как стены, созданные без участия человеческих рук (ст. 28) (Рис. 2).

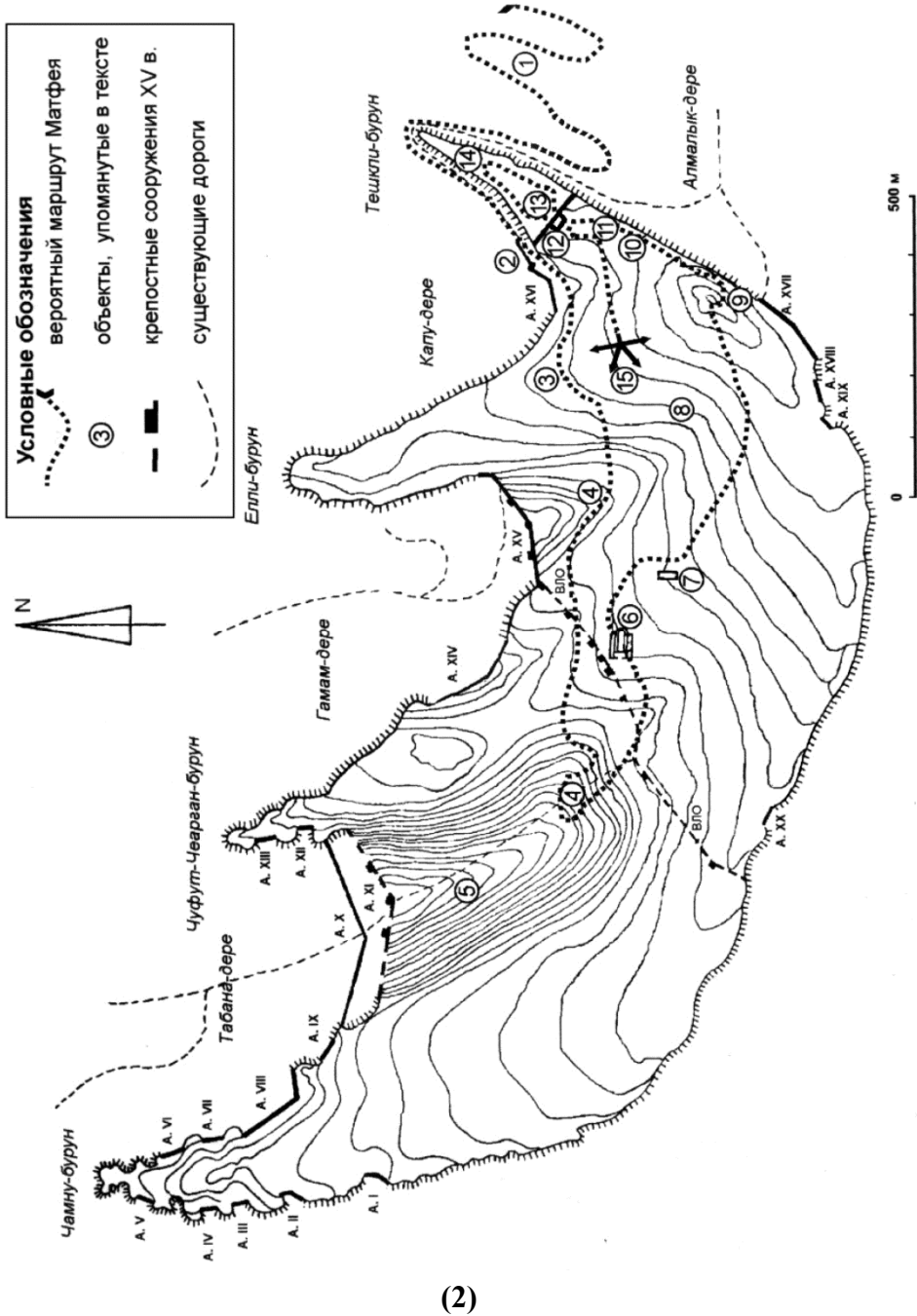
Приближение к Феодоро сопровождается у Матфея описанием визуального образа города, который возникает при взгляде со стороны окружающих долин. Мангупское плато воспринимается как изолированный массив, отчётливо отделённый от соседних горных образований глубокими ущельями. Его верхний контур образован отвесными скальными обрывами, создающими впечатление естественных стен, не нуждавшихся в искусственной доработке. Подобная характеристика полностью соответствует реальной топографии плато.

Особого внимания заслуживает описание оборонительных сооружений Феодоро. Матфей использует термин «клизуры» (ст.16), традиционный для византийской историографии, которым обозначались укрепленные пространства или горные проходы, защищенные системой отдельных фортификационных элементов (Рис. 3). Применение данного термина указывает на отсутствие сплошной крепостной стены, окружающей город по периметру, и подчёркивает своеобразие концепции оборонительной системы Мангупа. Археологические данные подтверждают, что главная линия обороны (ГЛО) формировалась за счёт комбинации естественных скальных обрывов и отдельных искусственных укреплений, перегораживавших наиболее уязвимые места – расселины, ущелья, участки пологого склона. Такой оборонительный ансамбль начал складываться ещё в ранневизантийский период и в последующие столетия функционировал без принципиальных изменений, обеспечивая защиту всей территории плато (90 га.), включая верховья ущелий, прорезающих его северную часть [5, с.136–137].

Примечательно, что в тексте «Рассказа» отсутствуют какие-либо указания на наличие второй линии обороны (ВЛО), представляющей пояс стен и башен, прикрывающий застроенную часть города. В настоящее время он является зрительной архитектурной доминантой в центральной части плато (Рис.4). Это обстоятельство согласуется с данными археологии, согласно которым возведение второй линии укреплений относится к первой половине XV в., т.е. к более позднему времени, чем посещение Матфея. Тогда Феодоро переживал этап восстановления после разорения города в конце XIV в. Таким

(1)

(2)

Рис. 1. Путь Матфея от Ялиты к Феодоро-Мангупу (1) и маршрут по городу Феодоро (2).
 Fig. 1. Matthew's path from Yalita to Theodoro-Mangup (1) and the route through the Theodoro city (2).

Рис. 2. Мангупское плато. Вид с северо-запада.
Fig. 2. The Mangup plateau. View from the northwest.

Рис. 3. «Клисура» – раннесредневековое укрепление главной системы обороны, перекрывавшее расселину на мысе Чамну-бурун.
Fig. 3. "Klisura" is an early medieval fortification of the main defense system, which blocked the cleft at Cape Chamnu-Burun.

Рис. 4. Участок второй линии обороны. 1-я половина XV в.
Fig. 4. Section of the second line of defense. The first half of the 15th century.

Рис. 5. На переднем плане – раннесредневековая кладка пилона главных городских ворот, на заднем – надвратные усыпальницы.
Fig. 5. In the foreground is the early medieval masonry of the main city gate pylon, in the background are the tombs above the gateway passage.

образом, сведения Матфея о характере городских укреплений отличаются высокой степенью достоверности и отражают реальное состояние фортификационной системы Феодоро на момент его посещения. Используемая автором терминология и пространственные образы позволяют уточнить хронологию формирования отдельных элементов крепостного ансамбля.

Дальнейшее изложение позволяет достаточно точно реконструировать маршрут иеромонаха непосредственно в пределах городского пространства (Рис.1). Судя по описанию, подъём на плато осуществлялся с юго-восточной стороны, со стороны балки Алмалык-дере, где и в настоящее время проходит единственный путь для транспорта, ведущий к вершине. Вблизи мыса Тешкли-бурун дорога резко меняет направление и следует вдоль склона ущелья Капу-дере, подводя путника к главным крепостным воротам. Именно ворота производят на автора сильное впечатление, что отражается в их детальном описании (ст. 33–42). Матфей обращает внимание на монументальный характер сооружения, использование крупных, тщательно обработанных каменных блоков и строгую геометрию опорных элементов. Подобные приёмы кладки характерны для ранневизантийских строительных традиций и находят прямые параллели в археологически зафиксированных остатках воротного комплекса на Мангупском плато [21, с. 55–58] (Рис.5).

Особый интерес представляет упоминание надвратного храма, располагавшегося над проездом.

«О друг, кто без слез и без всякой скорби опишет положение портиков и камней весьма длинных и весьма больших, слагающихся стройно, портики, опоры четырёхугольные и постройку удивительную, в то время, как наверху крышу храма на себе несёт (город), совсем непригоднейшего, как я увидел из очертаний? Ибо вершину составляет наверху божественная вима.» (ст. 30–35).

Своему восхищению перед этим первым встреченным им архитектурным сооружением города, путешественник предпосылает выражение скорби, не конкретизируя детали. Эта тема обозначена уже в первой строке «Рассказа»: «Чудо приятное, чрезвычайное, с горем смешанное любителям слушания я расскажу со многими слезами», и будет развиваться по мере передвижения по городу и знакомства с другими достопримечательностями. Сведения Матфея позволяют предположить существование культового надвратного сооружения, что подтверждается конструктивными особенностями комплекса и данными археологических исследований [5, с. 121–123]. Таким образом, описание автора не только носит эмоционально-образный характер, но и отражает архитектурные реалии.

Вступив на территорию города, путешественник лаконично и весьма точно передаёт общее впечатление от планировки поверхности плато, представляющего обширную равнину с четырьмя возвышенными участками, «холмами» (ст. 43). Эти «холмы», упомянутые Матфеем, соотносятся с выразительными элементами рельефа плато – мысами, выступающими к северу.

Значительное место в повествовании занимает описание источников воды (ст. 44–45). Матфей отмечает мощные родники, расположенные в верховьях ущелий Гамам-дере и Табана-дере, а также сады, орошаемые их водами. Его сведения в этом отношении полностью соответствует данным архео-

логических наблюдений, фиксирующих следы террасирования и хозяйственного использования склонов ущелья Табана-дере в пределах городской территории [10, с. 560]. Они подтверждают вывод о начале формирования расположенного здесь иудейского некрополя не ранее 1-й пол. XV в. и свидетельствуют о поддельном характере имеющихся здесь эпитафий с датами, относящимися к IX–XIV вв. по Р.Х. (Рис.6) Весьма уместной кажется после упоминания об источниках воды похвала чистому воздуху этой местности (ст.40–45). О том же пишет Эвлия Челеби, объясняющий цветущий вид здешних караимов благодатным климатом [20, с. 85].

Продвигаясь вглубь города, Матфей уделяет особое внимание культовым сооружениям, что вполне закономерно с учётом его монашеского статуса и богословской подготовки. Жилая застройка практически не получает развернутого описания и упоминается лишь косвенно, тогда как храмы производят на путешественника сильное впечатление (ст. 46–48). В тексте источника названы три основных архитектурных типа храмов: купольные, продолговатые, близкие по планировке к базиликам, а также круглые постройки. Несмотря на обобщённый характер перечисления, данные сведения хорошо согласуются с результатами археологических исследований, выявивших на территории Мангупского плато храмы различных конструктивных решений. По пути автор мог осмотреть две зальных, «продолговатых» церкви, и, по крайней мере, одну купольную, трехнефную на южном краю плато в районе высшей точки плато, исследованную Е.В. Веймарном в 1967 г. [4, с. 130–134]. Наиболее значительным культовым сооружением на предполагаемом маршруте Матфея являлась большая базилика, расположенная вблизи пути от ущелья Табана-дере к цитадели. Основанная в раннесредневековый период, она неоднократно разрушалась и восстанавливалась, продолжая функционировать в эпоху княжества Феодоро [3, с. 221–232] (Рис.7). Именно с этим храмом, по-видимому, связано упоминание мозаичного убранства (ст. 45), уникального для Мангупа и не зафиксированного в других церковных комплексах города. Упоминаются многоцветные росписи в интерьерах храмов (ст. 50, 65), действительно следы фресок выявлены в ряде наземных и пещерных церквей плато [8, с. 80–89; 16, с. 64]. Упоминание о них подчёркивает художественную насыщенность сакрального пространства Феодоро и уровень развития местной церковной архитектуры.

Примечательно, что в описании отсутствуют сведения о дворце правителей Феодоро, располагавшегося недалеко от базилики. Его возведение связано со строительной деятельностью князя Алексея, отраженной в надписи 1425 г. До этого времени, по данным раскопок, на месте дворца сохранились остатки строений иррегулярной застройки конца XIII–XIV вв., погибшей в пожаре 90-х гг. XIV в. Важными датируемыми материалами золотоордынского круга здесь были монеты от Менгу-Тимура до Улуг-Мухаммада, кашинная керамика и многочисленные фрагменты бронзовых зеркал из ремесленных центров Поволжья. Одно зеркало 2-й пол. XIV в. сохранилось полностью, даже с остатками кожаного футляра [15, с.198] (Рис.8).

Начиная с описания цитадели (ст. 50), повествование достигает смысловой кульминации. Именно этот участок города на мысе Тешкли-бурун производит на автора наиболее сильное эмоциональное впечатление. Раскопки показали,

Рис. 6. Участок иудейского некрополя в верховьях ущелья Табана-дере.
Fig. 6. Section of the Jewish necropolis in the upper reaches of the Tabana-dere gorge.

Рис. 7. Большая базилика.
Fig. 7. The Great Basilica.

Рис. 8. Золотоордынское зеркало с участка раскопок княжеского дворца.
Fig. 8. The Golden Horde mirror from the excavation site of the Prince's palace.

Рис. 9. Цитадель на мысе Тешкли-бурун. На заднем плане – напольная оборонительная система, на переднем – искусственные пещерные сооружения на оконечности мыса, слева под обрывом – дорога, по которой поднимался Матфей.

Fig. 9. The citadel at Cape Teshkli-burun. In the background there is a floor-standing defensive system, in the foreground there are artificial cave structures at the tip of the cape, on the left under the cliff there is a road along which Matthew climbed.

что акрополь формируется вместе с превращением поселения в столицу княжества Феодоро. Важные сведения на этот счет содержит надпись, обнаруженная Р.Х. Лепером в 1913 г. при раскопках базилики. Из нее следовало, что в начале 60-х гг. XIV в. на плато разворачивается деятельность по «восстановлению Феодоро» [11, с. 10], что хорошо согласуется с археологическими данными. Город формировался в пределах пустовавшей крепости, создававшейся византийскими инженерами в VI–VII вв. На плато развивается жилая застройка, пока еще очень слабо изученная, именно ее видел Матфей. Ремонтировались старые фортификации, возводились новые церкви и возрождались старые. В вышеупомянутой надписи эта деятельность и создание цитадели, на мысе Тешкли-бурун, передано как «основание стены» и строительство башни «верхнего города почтенной Пойки», под которой, скорее всего, подразумевается цитадель. Матфей подчёркивает, что поднимается именно на башню (ст. 50)³, с высоты которой обозревает городское пространство. Это указание имеет принципиальное значение, поскольку позволяет заключить, что в момент его посещения цитадель ещё не приобрела облик дворцового комплекса, сформировавшийся в результате реконструкции первой половины XV в. (Рис.9) Использование термина «башня» фиксирует ранний этап формирования укрепленной резиденции правителей Феодоро. С ее высоты путешественник наблюдает храмы, дворцовые постройки, а также искусственные скальные сооружения, высеченные в массиве плато на территории мыса Тешкли-бурун. Яркие впечатления у него оставляет посещение одного из пещерных комплексов, включившим жилые, хозяйственные и культовые помещения [ст. 60–65].

Отдельного упоминания заслуживают наблюдаемые Матфеем высеченные в скале гробницы. Речь идет о пока еще слабо изученном некрополе, расположенном на эспланаде цитадели. Скорее всего, он сформировался до масштабной перестройки укреплений цитадели в XV в.

Наиболее трагичным элементом описания становятся многочисленные человеческие останки, разбросанные по территории города. Матфей упоминает тела погибших, кости и черепа, что создаёт картину недавнего и крайне жестокого разорения. Эти сведения позволяют пересмотреть традиционную атрибуцию подобных находок, ранее обычно связывавшихся с событиями турецкого завоевания 1475 г., и допустить их более раннее происхождение. Так возле объекта, получившего обозначение как «церковь 2015 года», располагавшегося на краю обрыва мыса Елли-бурун, на поверхности скалы, практически под слоем дерна, было выявлено массовое безинвентарное захоронение женщин с детьми от грудного до подросткового возраста (Рис.10). Возможно, к событиям, упомянутым Матфеем, имеет отношение массовое погребение обезглавленных людей, обнаруженное на окраине Бахчисарая по соседству с могильником Кырк-Азислер. Среди костей погребенных найдены наконечники стрел типичные для второй половины XIV в. [12, с. 200–202].

³ Х-Ф. Байер так перевел эту строку: «Как только я вошел в акрополь⁸¹¹ и увидел построек (рас)положение». В греческом тексте употреблено слово *κοῦλῃ* (кула), которое автор отмечает, как «турецко-арабское», но вместо его точного значения как «башня», предпочитает перевести весьма произвольно как «акрополь» [2, с. 297, прим.811], что противоречит смыслу стихов 51–52, где явно подразумевается обзор местности с высоты. Очевидно, Матфей был знаком с местными тюркскими наречиями.

Рис. 10. Захоронения женщин с детьми на поверхности скалы возле церкви на краю обрыва мыса Елли-бурун.

Fig. 10. Burials of women with children on the rock surface near the church on the edge of the cliff of Cape Elli-Burun.

Вот что увидел Матфей (ст. 51–55):
«Как только я вошёл в акрополь⁸¹¹
и увидел построек (рас)положение,
храмы прекраснейшие и красоты дворцов,
высеченных в скале гробниц, портиков и колонн,
кроме того и (красоты) всей пёстрой живописи,
увидел и тела мёртвых и массы останков
и черепа без костей, а останков кучи».

Таким образом, описание цитадели, ее наземных и пещерных комплексов представляет важнейшее свидетельство точности непосредственного наблюдения последствий военного конфликта, оказавшего разрушительное воздействие на Феодоро.

В завершающей части повествования Матфей переходит от описания посещенного им пространства к объяснению причин запустения города. Диалог Чужеземца с Городом придаёт рассказу риторическую форму, однако за образной подачей скрывается перечень конкретных бедствий, характерных для длительной военной блокады.

В строках 110–117, содержащих своеобразный обмен комплиментами между Чужеземцем и Городом, ставится наконец-то вопрос о причинах наблюдаемого Матфеем запустения. Пространственный ответ Города (ст.118–138), наполнен перечислением бедствий, естественных для долго пребывавшей в осаде крепости, он лишен каких-либо конкретных исторических ориентиров, поэтому требуется сопоставление содержания данной части Рассказа с другими источниками и ситуацией в Крыму, сложившейся к концу XIV в.

«И почему ты являешься пустым, массы народа не имея?

Ибо даже. если бы была необитаемой земля Хазарию,

то один должен ты, весьма приятный, (быть) бы населённым.
Город: Плача из глубины души, стенания и причитания,
такое мне он извлёк из скорбного сердца:
Вижу тебя чужим, мудрым и толковым, остроумным,
одетым в рубище, на чужбине аскетствующим.
В одеяние, смотрю, ты оделся траурное, печальное.
Если расскажу тебе о моих частых утратах,
о войнах и ужасах, скорее всего, о боевых порядках,
о племенах, полные семь лет меня окружающих,
о массах неисчислимых, об агарян полках,
и об убийствах и дрожаниях внутренних и внешних,
о нашествиях и засадах, о ржаниях коней,
– внутри масса народа. – о стенаниях, о причитаниях,
– девятый год они выносили (это), пропитанием не запасшись,
– о младенцев, женщин и народа причитании,
– подобное горько претерпели из-за силы голода,
что ослы, собаки и кошки съедены,
– и как, упавши без чувств, предали меня. чужеземец,
то себя многими стенаниями и завываниями наполню,
тебя же сетованиями и слезами буду питать».

Враги, осаждавшие Феодоро, названы «агарянами», что в византийской литературной традиции служило обозначением мусульман. Этот синоним позволяет соотнести описываемые события с военно-политической ситуацией конца XIV в., связанной с противостоянием на территории Крыма Тимура и Токтамышша, а затем Токтамышша и Идегея [9, с. 705]. На то, что Мангуп должен был входить в число поселений, бывших объектами завоевательных планов Тимура, возможно, указывает не полностью сохранившаяся восьмистрочная надпись на мраморной плите содержащая имя Токтамышша. Она была извлечена Ф.А. Брауном из башни в верховьях ущелья Табана-дере. Туда она попала в качестве строительного материала, использовавшегося турками для ремонта этого сооружения ВЛЮ. Как предполагал Н.В. Малицкий, она сообщала о возведении некой постройки крепостного характера и относилась к 80-м гг. XIV в. – времени правления Токтамышша, вассалом которого, вероятнее всего, были правители Феодоро [11, с. 10]. О тесных связях Мангупа и Золотой Орды свидетельствует в частности нумизматический материал, найденный на городище, в основном представленный для второй половины XIV в. монетами ханов, собственной феодоритской чеканки до сих пор не найдено. Таким образом, нападение на Феодоро было предопределено политикой тотального разгрома всей политической структуры полуострова, подчиненной Токтамышшу.

Город в описании Матфея представлен как переживший многолетнюю осаду, сопровождавшуюся истощением продовольственных запасов, массовым голодом и гибелью населения. Упоминаются крайние формы пищевой нужды, что подчёркивает тяжесть пережитых испытаний и масштаб гуманитарной катастрофы. По сути, такая ситуация, характерная в целом для всего золотоордынского пространства, сохранялась как последствие событий 1395 г. на протяжении нескольких лет, что выразилось в страшном голоде, уничтожением земледельцев, угоном скота у кочевников, эпидемией чумы, завершившейся только к 1405 г. [9, с. 702; 13, с. 140]. Города, подвергшиеся разгрому, обезлюдили [13, с. 141].

Отмеченная высокая точность описаний наблюдаемого автором природного облика местности и сопряженной с ней городской структурой, заставляет с доверием отнестись и к передаваемым им картинам несчастий, постигшим Феодоро. Больше вопросов вызывает указание на продолжительность осады (ст. 120, 125). Можно ли видеть в нем отражение реальной длительности этих военных бедствий. Может быть, названные цифры носят символический характер, восходящий к традициям восточно-христианской книжности и их не следует рассматривать как строгое хронологическое свидетельство, возможно они образно передают представление о затяжном характере военных действий? И все же учитывая отмеченный высокий уровень достоверности повествования, стоит попытаться увидеть в них реальный смысл. А.А. Васильев, усматривал в приводимых хронологических сведениях указание, продолжительности периода от первого захвата Феодоро (1395 г.) и до смерти Тимура [22, р. 190]. При таком подходе следует предполагать, что формирование «Рассказа» прошло, по крайней мере, два этапа. Первый – фактически путевой дневник, описывающий маршрут от Ялиты и посещение города с картиной его разорения, переданной по свежим следам события. Затем, вероятно, после продолжительного перерыва, последовала обработка текста, придание ему высокого жанрового стиля в форме монодии, плача. Этот жанр в форме траурной оды был характерен для византийской литературы XIV–XV вв., времени тяжелых испытаний для империи, клонившейся к неизбежной гибели. Монодии обычно посвящались описанию трагического события, причем не только по отношению к людям, но и к предметам, и городам, например, "Монодия на павших в Фессалонике", Дмитрия Кидониса, «Монодия на падение Константинополя» Иоанна Евгеника [19, с. 270–292]. В композиции и поэтических приемах поэмы прослеживаются те же черты, здесь и характерное для энкомиев (панегириков) городу, восхваление его внешнего вида и неоднократные апелляции к нему и его погибшим жителям и т.д. Если принять точку зрения А.А. Васильева, то придется признать, что миссия Матфея в Крыму растянулась, как минимум на десятилетие, а значит, если нижней датой источника следует считать 1395/96 г. – время прибытия Матфея на полуостров, то наблюдаемые последствия событий, описанных в поэме, можно датировать не ранее 1405 г. Из довольно противоречивых известий арабских летописцев следует, что после взятия Таны в конце сентября – первой половине октября 1395 г., войско Тимура вторглось на полуостров, захватило город Крым (Солхат). а затем, после 18-и дневной осады, взяло Кафу (Ибн Дукмак [9, с. 154], Ибн ал Форат [9, с. 168], ал-Аскалани [9, с. 204]). По И.М. Миргалееву Токтамыш контролировал полуостров еще до конца 1397 г., когда после очередного поражения бежал в Киев к Витовту [13, с. 144]. В.Д. Смирнов считал неверными сведения арабских историков о том, что Тимур лично привел войска в Крым и сражался здесь с Токтамышем, а на самом деле крымской кампанией руководил эмир Идегей [17, с. 147–148]. Нельзя исключать, что в рассказе Матфея отражен не один длительный эпизод блокады города, а общее представление об обстановке, характерной для этой части полуострова на всем протяжении военных действий противоборствовавших сторон. У более поздних турецких авторов (например, у Печеви) есть сведения о том, что Тимур совершил в Дешт-и Крым два или три похода [17, с. 158].

Таким образом, сведения Матфея представляют собой уникальное свидетельство, фиксирующее последствия военного конфликта в Юго-Западном Крыму и позволяющее уточнить хронологические и исторические рамки со-

бытий, слабо отражённых в других письменных источниках. Молчание арабских источников, в отношении Феодоро может быть объяснено тем, что центр экономической жизни Крыма переместился уже со 2-й половины XIII в. в восточную часть полуострова. Кафа и Крым (Солхат) были здесь наиболее известными на мусульманском Востоке городскими центрами. Нельзя исключать, что в рассказе Матфея отражен не один длительный эпизод блокады города, а общее представление об обстановке, характерной для этой части полуострова на всем протяжении военных действий противоборствовавших сторон. «В 803 г.х. (22 августа 1400 г. – 10 августа 1401 г.) государем Дешта, Сарая и Крыма был царь Идики, земли его находились в потрясенном состоянии, вследствие расстройств стран Восточных от нашествия Тимурленка и походов его в (том) крае». [18, с. 532].

Возможно, острота ситуации по отношению к Феодоро отражена в эпиграфическом памятнике, происходящем непосредственно из Мангупа и привлекавшимся А.А. Васильевым для комментирования содержания «Рассказа». Это – надпись на известняковой плите из башни ВЛЮ в верховьях Табана-дере. К сожалению, текст подвергался преднамеренной порче: строки прочеркивались острым предметом. Фрагменты текста, восстановленные В.В. Латышевым и Н.В. Малицким, тем не менее, позволяют вслед за А.А. Васильевым связать содержание надписи с событиями, последствия которых наблюдал Матфей. В ней сообщается, что данная надпись была установлена феодоритами (если данное чтение верно, то это – первое упоминание этнопонима) в память о борьбе с какими-то варварами, вероятно напавшими на них и об отпоре этим врагам, на борьбу с которыми были поднято все население, «богохранимой крепости Феодоро». От даты сохранились не вполне разборчиво первые две буквы, указывающие на XIV век (6800-е гг.). Н.В. Малицкий был склонен относить этот памятник скорее к концу века, когда Крым оказался театром длительной и жестокой борьбы между Идегеем и Токтамышем [11, с. 10], принесшей опустошение многим поселениям, в том числе Херсону и Феодоро-Мангупу.

Итак, сопоставление текста «Рассказа» с данными арабских хроник и эпиграфических памятников позволяет предположить, что разорение Феодоро произошло в ходе военных кампаний конца XIV в., когда вначале Крым оказался ареной борьбы между Тамерланом и Токтамышем, а затем между основными центрами власти Золотой Орды. Отсутствие прямых упоминаний о Феодоро в восточных источниках объясняется второстепенной ролью горных городов по сравнению с прибрежными торговыми центрами. Несмотря на художественно-риторический характер произведения, текст Матфея отличается высокой степенью наблюдательности и точности в описании природного ландшафта, топографии и архитектурных особенностей города. Анализ «Рассказа о городе Феодоро» позволяет рассматривать данный памятник как исключительно ценный исторический источник по истории Юго-Западного Крыма конца XIV в. Особое значение имеет описание последствий военного разорения Феодоро, включая длительную осаду, массовую гибель населения и запустение городской территории. В этом отношении «Рассказ» представляет практически единственное свидетельство непосредственного наблюдения подобных событий в Крымском улусе Золотой Орды. Он позволяет не только уточнить локальную историю Мангупа, но и расширяет представления о масштабах и последствиях общеордынского кризиса данного периода.

Для актуализации сведений письменных источников о событиях последнего пятилетия XIV в. в Юго-Западном Крыму большое значение имеют археологические данные. Нужно учесть, что жизнь поселения на Мангупском плато продолжалась до конца XVIII в., что приводило к разрушению построек и культурных горизонтов раннего времени. Особенно значительными эти процессы были в первой половине XV в. и на протяжении XVI–XVII вв. Тем не менее, раскопки, проводимые на Мангупе в последние десятилетия, позволили выделить материалы, коррелируемые с ситуацией, описанной Матфеем [6, с. 139; 7, с. 49; 15, с. 198, 465].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байер Г.-В. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времени Палеологов // *Античная древность и Средние века*. Вып. 27. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. С. 71–82.
2. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. 477 с.
3. Бармина Н.И. Мангупская базилика (опыт теменологического анализа) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2007. Вып. 13. С. 221–232.
4. Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чорев М.Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // *Феодальная Таврика*. Киев: Наукова думка, 1974. С. 123–139.
5. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 1990. Вып. 1. С. 87–174.
6. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.: Нестор-История, 2017. 272 с.
7. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Между Золотой Ордой и Романией // *Материалы по истории и археологии средневекового Крыма*. Крымский Юрт Золотой Орды. Симферополь: ИТ "АРИАЛ", 2022. С. 36–49.
8. Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1966. 108 с.
9. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды в переводах В.Г. Тизенгаузена. М., 2003. 448 с.
10. Кошовская Н.В. Заметки по иудейской эпиграфике Мангупа // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2003. Вып. 10. С. 556–561.
11. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // *Известия Государственной академии истории и материальной культуры*. 1933. Вып. 71. 47 с.
12. Меньшиков М.Ю., Волошин А.А. Признаки военного разорения поселения Эски-Юрт в середине XIV в. // *Сборник материалов конференций «Бахчисарай: новые исследования по истории и археологии Крыма. Материалы конференции «VI–VII научные чтения памяти Е.В. Веймарна»*. Симферополь: И.П.Корниенко, 2023. 280 с.
13. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 163 с.
14. Миргалеев И.М. Попытки возрождения Золотой Орды в конце XIV – начале XV в. // *Золотая Орда в мировой истории*. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 698–703.
15. Науменко В.Е., Герцен А.Г., Душенко А.А. Дворцовый комплекс Мангупского городища: история изучения, стратиграфия, хронология. Симферополь: ООО "Антиква", 2023. 500 с.

16. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с.
17. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до конца XVIII в. СПб., 1887. 774 с.
18. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. 564 с.
19. Фонкич Б.Л. Иоанн Евгеник и его «Монодия на падение Константинополя» // Византия между западом и Востоком. СПб., 1999. С. 270–292.
20. Эвлия Челеби. Книга путешествия Крым и сопредельные области: извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века. Издание 3-е исправленное. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2016. 312 с.
21. Якобсон А.Л. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. Вып. 29. С. 55–63.
22. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge: Mass, 1936. 293 p.
23. Mercati S.G. Versi di Matteo Ieromonaco // Studi bizantini. Roma, 1927. Т. 2. S. 19–30.
24. Mercati S.G. Collectanea byzantina I. Roma, 1970. S. 392–396.
25. Prinzing G. On the Poem by the Hieromonk and Exarch Matthew About the City of Theodoro (Crimea) // Byzantine Authors and their times Athens. 2021. P. 451–467.

REFERENCES

1. Bayer G.-W. Metropolises of Cherson, Sugdea, Gothia and Zichyia according to the prosopographical lexicon of the Palaeologus period. *Ancient Antiquity and the Middle Ages*. Iss. 27. Byzantium and Medieval Crimea. Simferopol, 1995, pp. 71–82. (In Russian)
2. Bayer H.-F. The History of the Crimean Goths as an Interpretation of Matthew's Tale of the City of Theodoro. Ekaterinburg, 2001. 477 p. (In Russian)
3. Barmina N.I. Mangup basilica (an attempt at temenological analysis). *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. 2007, Iss. 13, pp. 221–232. (In Russian)
4. Veimarn E.V., Loboda I.I., Pioro I.S., Choref M.Ya. Archaeological research of the capital of the principality of Theodoro. In: *Feudal Taurica*. Kyiv: Naukova Dumka, 1974, pp. 123–139. (In Russian)
5. Herzen A.G. Fortress ensemble of Mangup. *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. 1990, Iss. 1, pp. 87–174. (In Russian)
6. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Yu. The population of Doros-Theodoro based on the results of a comprehensive archaeological and anthropological analysis of the necropolises of the Mangup settlement (4th–17th centuries). Moscow: Nestor-History, 2017. 272 p. (In Russian)
7. Herzen A.G., Naumenko V.E. Between the Golden Horde and Romania. *Materials on the history and archeology of medieval Crimea. Crimean Yurt of the Golden Horde*. Simferopol: ARIAL, 2022, pp. 36–49. (In Russian)
8. Dombrovsky O.I. Frescoes of Medieval Crimea. Kyiv: Naukova Dumka, 1966. 108 p. (In Russian)
9. The Golden Horde in Sources. Vol. 1. Arabic and Persian Works. A Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. Trans. by V.G. Tiesenhausen. Moscow, 2003. 448 p. (In Russian)
10. Koshovskaya N.V. Notes on the Jewish Epigraphy of Mangup. *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. 2003, Iss. 10, pp. 556–561. (In Russian)
11. Malitsky N.V. Notes on the Epigraphy of Mangup. *Bulletin of the State Academy of History and Material Culture*. 1933, Iss. 71. 47 p. (In Russian)
12. Menshikov M.Yu., Voloshin A.A. Signs of the military devastation of the Eski-Yurt settlement in the mid-14th century. In: Collection of conference materials "Bakhchisarai: new research on the history and archeology of Crimea. Proceedings of the

conference “VI–VII scientific readings in memory of E.V.Weimarn”. Simferopol: I.P. Kornienko, 2023. 280 p. (In Russian)

13. Mirgaleev I.M. Political history of the Golden Horde during the reign of Tokhtamysh Khan. Kazan: Alma-Lit, 2003. 163 p. (In Russian)

14. Mirgaleev I.M. Attempts to revive the Golden Horde in the late 14th – early 15th centuries. The Golden Horde in world history. Collective monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 698–703. (In Russian)

15. Naumenko V.E., Gertsen A.G., Dushenko A.A. The Palace Complex of the Mangup Settlement: History of Study, Stratigraphy, Chronology. Simferopol: Antikva, 2023. 500 p. (In Russian)

16. Pallas P.S. Observations Made During a Journey through the Southern Viceroyalties of the Russian State in 1793–1794. Translated from German. Moscow: Nauka, 1999. 246 p. (In Russian)

17. Smirnov V.D. The Crimean Khanate under the Supremacy of the Ottoman Porte until the End of the 18th Century. St. Petersburg, 1887. 774 p. (In Russian)

18. Tiesenhausen V.G. Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. St. Petersburg, 1884. 564 p. (In Russian)

19. Fonkich B.L. John Eugenikos and his “Monody on the Fall of Constantinople”. Byzantium between West and East. St. Petersburg, 1999, pp. 270–292. (In Russian)

20. Evliya Celebi. Book of Travel Crimea and Adjacent Regions: An Extract from the Work of a 17th-Century Turkish Traveler. 3rd revised edition. Simferopol: I.Gasprinsky Media Center, 2016. 312 p. (In Russian)

21. Yakobson A.L. On the Early Medieval Fortress Walls of Mangup. *Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture*. 1949, Iss. 29, pp. 55–63. (In Russian)

22. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge: Mass, 1936. 293 p.

23. Mercati S.G. Versi di Matteo Ieromonaco. Studi bizantini. Roma, 1927. Vol. 2, pp. 19–30. (In Italian)

24. Mercati S.G. Collectanea byzantina I. Roma, 1970, pp. 392–396. (In Italian)

25. Prinzing G. On the Poem by the Hieromonk and Exarch Matthew About the City of Theodoro (Crimea). Byzantine Authors and their times Athens. 2021, pp. 451–467.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Германович Герцен – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (295006, просп. Вернадского, 4, Симферополь, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-1586-5886, ResercherID: AAU-9228-2020, Scopus AuthorID: 57206729509. E-mail: gertsenag@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander G. Gertsen – Cand. Sci (History), Professor, Head of the Department of Archaeology and General History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Vernadsky Ave., 4, Simferopol 295006, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-1586-5886, ResercherID: AAU-9228-2020, Scopus AuthorID: 57206729509. E-mail: gertsenag@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 04.04.2025

Поступила после рецензирования / Revised 17.02.2026

Принята к публикации / Accepted 09.03.2026